

извѣстныхъ писателей богослововъ (62. 86. 87 и др.). Нельзя не сказать спасибо автору и за то одушевление, съ какимъ онъ работалъ отъ начала до конца. Видно, что авторъ работалъ съ любовью. По мѣстамъ его сочиненіе согрѣто такой теплотой и такъ мастерски написано, что читается прямо съ восторгомъ и увлеченіемъ (30. 33. 35. 37. 38 и мн. др.).

Въ числѣ недостатковъ разсматриваемаго сочиненія нужно указать слѣдующіе. Авторомъ изучены не всѣ источники и журнальныя статьи объ Иннокентіи. Планъ сочиненія совершенно правильный, естественный, но въ детальной разработкѣ матеріала замѣчается по мѣстамъ досадная спутанность, сбивчивость, неясность и повторенія (106—107. 192. 114—115. 119. 130 сл. 146. 168. 198. 238. 290. 296. 479. 570. 579. 588. 596. 602 и др.). Содержаніе проповѣдей авторъ излагаетъ большею частію своими словами и притомъ по строго опредѣленнымъ схемамъ, вслѣдствіе чего воззрѣнія Иннокентія утрачиваютъ много жизненныхъ оригинальныхъ чертъ и часто ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній самыхъ невеликихъ людей. Авторъ забылъ, что нельзя человека втиснуть, такъ сказать, въ рамки догматическаго богословія м. Макарія и заставить его высказываться по всѣмъ вопросамъ этого курса и въ духѣ этого курса (324 слл. 397 слл.). Нѣтъ у автора рѣчи о вліяніи Иннокентія на проповѣдниковъ своего времени и послѣдующаго времени. Мало говоритъ авторъ о томъ, подъ какими вліяніями воспитался самъ Иннокентій. Не говоритъ ничего о переводѣ проповѣдей Иннокентія на иностранныя языки. Авторъ пишетъ объ Иннокентіи, что въ его сочиненіяхъ не встрѣчается ни одного иностраннаго слова, что онъ не выносилъ даже такихъ словъ, какъ слово „гуманный“. Скорблю, что авторъ въ данномъ случаѣ не подражалъ Иннокентію (6. 52. 66. 73. 77. 79. 82. 99. 113. 122. 162. 228. 229. 231. 232. 300. 338. 433. 513. 545. 564. 616. 656). Нельзя также сказать объ авторѣ, чтобы онъ подражалъ Иннокентію и въ стилѣ. По мѣстамъ авторъ въ данномъ случаѣ сильно хромаетъ (II. 5. 6. 8. 32. 34. 75. 94. 106. 123. 137. 159. 196. 201. 211. 272. 343. 349. 385. 447. 575 и др.). Попытку автора критиковать Иннокентія со стороны стиля (288 — 289) нельзя читать безъ улыбки. Встрѣчаются въ сочиненіи автора и „разглагольствованія“ (628—632. 644

и мн. др.), по мѣстамъ чисто внѣшняя и случайная связь между отдѣлами (4. 87. 236. 304. 378. 382. 421. 489. 579. 624. 692). Конспекты предъ главами составлены слишкомъ обще и неопредѣленно. Къ великому прискорбію, сочиненіе не свободно и отъ описокъ (30. 35. 61. 81. 96. 139. 203. 252. 286. 399. 421. 444. 568. 576. 578. 582. 629. 536. 644).

Всѣ перечисленные мною недочеты нужно считать отчасти неизбѣжными въ такой большой и сложной работѣ, какъ работа о. Θεодосія, и отчасти маловажными и легко устранимыми. Принимая все это во вниманіе, мы думаемъ, что разсмотрѣнное нами сочиненіе не только даетъ право автору на степень кандидата богословія, но и можетъ быть напечатаннымъ. По тщательномъ исправленіи, оно будетъ весьма полезной книгой по исторіи русской проповѣди, такъ бѣдной произведеніями подобнаго рода“.

26) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Остроумова Николая*: „Ученіе о Святой Троицѣ въ сочиненіи Блаженнаго Августина *De Trinitate*“:

„Сочиненіе г. Остроумова состоитъ изъ предисловія, введенія, двухъ отдѣловъ изслѣдованія и заключенія.

Перечисливши въ предисловіи пособія для своего труда и сказавши нѣсколько словъ о богатствѣ богословской литературы въ 4 и 5 вв., во введеніи онъ отмѣчаетъ различные взгляды на христіанское ученіе о троичности лицъ въ Богѣ, сообщаетъ общія свѣдѣнія о сочиненіи Августина *De Trinitate* и вкратцѣ излагаетъ содержаніе его. Въ первомъ отдѣлѣ онъ излагаетъ ученіе этого трактата о Богѣ вообще, о существѣ и свойствахъ Божіихъ. Во второмъ отдѣлѣ, раздѣленномъ на три главы, онъ излагаетъ ученіе трактата о Святой Троицѣ вообще, о Сынѣ Божіемъ и о Святомъ Духѣ. Въ заключеніи дана краткая оцѣнка сочиненія Августина.

Задачи труда автора состояли въ томъ, чтобы „на основаніи сочиненія Августина *De Trinitate* изложить ученіе Августина о Святой Троицѣ, показать особенности этого ученія и отношеніе его къ восточному богословію“.

Первая и главнѣйшая изъ этихъ трехъ задачъ выполнена имъ вполне удовлетворительно. Онъ старательно переводилъ и изучалъ обширное сочиненіе Августина *De Trinitate*, хо-

рошо ознакомился съ содержаніемъ его и систематически изложилъ это послѣднее въ своемъ трудѣ, повсюду сопровождая излагаемыя мысли Августина точными ссылками, а иногда помѣщая въ примѣчаніяхъ и самыя изреченія Августина. Мѣстами онъ приводитъ мысли Августина о Троицѣ изъ другого сочиненія его—*Исповѣдь* по русскому переводу. Встрѣчающіяся кое-гдѣ повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей мы не ставимъ ему въ большую вину, такъ какъ они есть и въ самомъ сочиненіи Августина. Вообще же г. Остроумовъ обнаружилъ самостоятельное и старательное изученіе содержанія Августинова сочиненія, правильное пониманіе мыслей его и изложилъ систематически изученный матеріалъ. Впрочемъ для выработки плана особыхъ усилій не требовалось, такъ какъ онъ самъ собою намѣчался тѣмъ порядкомъ, въ какомъ предметъ раскрытъ въ трактатѣ Августина.

При выполненіи главной задачи г. Остроумову не было особенной надобности обращаться къ пособіямъ. Но онъ воспользовался пособіями, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, въ своихъ замѣчаніяхъ объ особенностяхъ ученія Августина о Троицѣ и объ отношеніи этого ученія къ восточному богословію. Эти замѣчанія разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, а преимущественно изложены во введеніи и въ заключеніи. Къ сожалѣнію, одна изъ главнѣйшихъ особенностей ученія Августина о Троицѣ — взглядъ его на исхожденіе Святаго Духа — раскрыта авторомъ поверхностно.

Сочиненіе г. Остроумова хорошо обработано и вполне закончено. Ошибокъ не замѣтно. Только на 265 стр. г. Остроумовъ символъ перваго вселенскаго собора почему-то назвалъ Никео-Аѳанасіевскимъ, между тѣмъ какъ онъ называется Никейскимъ символомъ; а символъ, извѣстный съ именемъ Аѳанасія, есть совсѣмъ иной символъ.—Авторъ сочиненія степени кандидата достоинъ за свой трудъ“.

27) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевскаго о сочиненіи студента *Павлова Михаила*: „Религіозные вопросы, занимавшіе русское общество въ половинѣ XVI в. (преимущественно по сочиненіямъ иг. Артемія и Зиновія Отенскаго)“:

„Автору предстояло изложить по соответствующимъ па-

мятникамъ русской духовной литературы религиозные вопросы, занимавшіе русское общество означенной въ темъ эпохи, показать ихъ происхождение, способы рѣшенія и дѣйствіе, какое оказали они своимъ возникновеніемъ и тѣмъ или инымъ способомъ рѣшенія. Авторъ разрѣшаетъ свою задачу въ такомъ порядкѣ. Сдѣлавъ критическій обзоръ произведеній русской полемической литературы XVI в., какъ наиболѣе выразительныхъ показателей религиозныхъ интересовъ русскаго общества той эпохи (гл. I), онъ по этимъ произведеніямъ установилъ и подробно изложилъ изслѣдуемые религиозные вопросы (гл. II), опредѣлилъ „силу и сферу религиознаго движенія“, возбужденнаго этими вопросами, и отношеніе къ нему Стоглаваго собора (гл. III и IV), показалъ ходъ подготовки русскаго общества „къ усвоенію мнѣній, выразившихся въ изучаемыхъ вопросахъ“ (гл. V), и наконецъ попытался выяснитъ „генезисъ“ этихъ вопросовъ туземными и сторонними вліяніями, дѣйствовавшими тогда въ русскомъ обществѣ (гл. VI). Для разрѣшенія своей задачи авторъ подготовилъ достаточныя средства весьма основательнымъ изученіемъ значительнаго количества памятниковъ русской духовной литературы XVI вѣка, частью даже по рукописямъ. Такъ онъ пользовался первымъ посланіемъ старца Артемія по рукописному сборнику Софійской библиотеки, гдѣ оно имѣетъ начало, утраченное въ рукописи Ундольскаго, по которой изданы посланія Артемія, и гдѣ текстъ этого посланія исправнѣе печатнаго, какъ видно изъ приложеннаго къ сочиненію г. Павлова перечня поправокъ. Имѣя дѣло съ сложными и трудно уловимыми процессами религиозно-нравственной жизни, авторъ не безъ успѣха старался выяснитъ внутреннюю связь и послѣдовательность догматическихъ и религиозно-нравственныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ русскомъ обществѣ, и обнаружилъ навыкъ къ осторожному и детальному анализу историческихъ явленій, умѣя при случаѣ посмотреть на дѣло по своему. Чтеніе сочиненія мѣстами и иногда въ существенныхъ частяхъ его затрудняется нѣкоторой напряженностью изложенія, недостаткомъ ясности и простоты; одною изъ причинъ этого можно считать склонность автора вносить въ обсужденіе и изложеніе историческихъ явленій приемы и терминологию другихъ отраслей научнаго знанія. Планъ сочиненія мало

содѣйствовали устраненію этого недостатка. Но предметъ обработанъ авторомъ такъ серіозно, что сочиненіе можетъ быть признано весьма удовлетворительнымъ“.

28) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Пискарева Николая*: „О средневѣковыхъ пенитенціалахъ Римскокатолической церкви“:

„Задачею сочиненія студ. Н. Пискарева было изученіе западныхъ и восточныхъ пенитенціаловъ съ цѣлію указать взаимоотношеніе между ними. Для сего ему должно было познакомиться съ довольно значительною литературою русскою и иностранною (въ предисловіи она указана), какъ въ изданіяхъ, такъ и въ изслѣдованіяхъ. И къ чести автора должно сказать, что онъ вполне овладѣлъ своимъ предметомъ, открылъ въ немъ интересъ, увлекшій его вниманіе не смотря на ничего не обѣщавшую повидимому внѣшность.

Хотя темою автора служили пенитенціалы Римскокатолической церкви, однако-же онъ разсматриваетъ ихъ не изолированно, а совмѣстно съ восточными пенитенціалами или покаянными номоканонами. Этотъ параллелизмъ проходитъ у него черезъ все сочиненіе.

Такъ въ первой главѣ (9 — 61) подъ рубрикой: исторія внѣшняго развитія текста пенитенціаловъ Р.-католической церкви—авторъ дов. подробно рассказываетъ о первоначальныхъ дисциплинарныхъ канонахъ покаянной дисциплины, постановленныхъ соборами Ирландской церкви въ VI в. и о первыхъ сборникахъ ихъ, извѣстныхъ подъ именемъ „*Liber David'a*“ Гильды, Виньяя; въ Англосаксонской церкви—о пенитенціалахъ Феодора, Беды, Экберта,—на континентѣ—о пенитенціалахъ Каломбана и иныхъ, явившихся въ подражаніе ему, въ особенности римскихъ, упоминаемыхъ Галитгаромъ и Регинономъ;— о реакціи противъ сильно размножившихся пенитенціаловъ и попыткахъ дать образцы пенитенціаловъ (Пенитенціалъ Галитгара и „*Corrictor*“ Бурхарда.

Во 2-й гл. (61—138) подъ рубрикой: исторія внутренняго текста пенитенціаловъ—авторъ подробно выясняетъ взаимную литературную зависимость пенитенціаловъ однихъ отъ другихъ. Вся обширная серія ихъ, по автору, стоитъ во внутренней связи, образуя непрерывную цѣпь зависимости. Во всей этой серіи стоятъ три-четыре первоначальныхъ образца, ко-

торые потомъ, въ послѣдующихъ генераціяхъ и повторялись съ различными вариантами, то вставками, то сокращеніями. Средствами дополненія служили Свящ. Писаніе, древнія церковныя правила и житейская практика. Авторъ указываетъ очень много примѣровъ такихъ модификацій послѣдующими авторами своихъ предшественниковъ (см. стр. 67—138). Своими правилами эти авторы повидимому не особенно дорожили. Одинъ изъ нихъ (Виньяй напр.) замѣчаетъ: „если кто испытать божественныя писанія самъ обрѣтетъ большее или предложить лучшее, то и мы согласимся и послѣдуемъ“ (стр. 64).

Въ гл. 3-й (138—183) разсказывается внѣшняя исторія восточныхъ епитимійныхъ номоканоновъ. Съ особенною подробностію авторъ говоритъ здѣсь о запрещеніяхъ Іоанна Постника падающимъ инокинямъ, Мюнхенской редакціи Номоканона и канонаріи I. монаха, какъ наиболѣе характерныхъ и составныхъ частяхъ Восточнаго епитимійнаго номоканона.

Въ гл. 4-й (стр. 183—200) предлагается характеристика западныхъ пенитенціаловъ, какъ покаянныхъ сборниковъ.

По литературной формѣ пенитенціалы Р.-католической церкви суть уложенія о наказаніяхъ, расположенныя отдѣльными, каждая въ себѣ законченными статьями, содержащими преступленія и за нихъ—опредѣленныя наказанія. Въ простѣйшемъ видѣ пенитенціаль составляетъ сводъ отдѣльныхъ правилъ; но иногда правиламъ предшествуетъ предисловіе иногда дов. краткое, но иногда и дов. обширное, дающее духовнику совѣтъ, какъ пользоваться пенитенціаломъ. Есть и пенитенціалы, въ которыхъ кромѣ правилъ содержится и самое чинопослѣдованіе исповѣди.

Характерными чертами наказаній пенитенціаловъ служатъ: наложеніе клирикамъ съ особенными и общихъ взысканій, строго соразмѣряемыхъ съ ихъ степенями, какъ то: поста на хлѣбѣ и водѣ, безъ вина и мяса, поста по четвердесятицамъ, обязательной милостыни. Въ послѣдующихъ пенитенціалахъ виды наказаній увеличиваются; къ прежнимъ присоединяются: peregrinatio, изгнаніе, superpositio, выкупъ епитиміи деньгами, замѣна одной епитиміи другою, а также отправление клириковъ подъ началъ въ монастырь, въ карцеръ, наказаніе розгами, отпущеніе рабовъ на волю.

Но главный отличительный характер пенитенціаловъ Р.-католической церкви это—духъ ихъ, или цѣль, съ которою налагается наказаніе. Цѣль церковнаго наказанія состоитъ въ удовлетвореніи оскорбленному Богу со стороны грѣшнаго человѣка посредствомъ разнаго рода епитимій. Къ погашенію грѣха соотвѣтственными добрыми дѣлами и направлена епитимія. Впрочемъ авторъ находитъ возможнымъ утверждать, что эта главная цѣль по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пенитенціалахъ не вытѣсняетъ совершенно и мысли о врачующей силѣ покаянія и епитиміи, какъ средствахъ возбужденія молитвеннаго, покаяннаго настроенія души, — каковая идея составляетъ характерное отличіе восточныхъ епитимійныхъ номоканоновъ.

Въ послѣдней заключительной главѣ авторъ высказываетъ свое мнѣніе по вопросу о взаимоотношеніи между пенитенціалами западными и восточными. Вопреки выраженному въ нашей литературѣ противорѣчивому сужденію о вліяніи западныхъ пенитенціаловъ на восточные и обратно, онъ утверждаетъ, что такое взаимоотношеніе доказать трудно: болѣе основаній представлять дѣло такъ, что пенитенціалы той и другой половины, отправляясь отъ древней церковной покаянной дисциплины, развивались своимъ путемъ независимо одни отъ другихъ и развивались въ двухъ разныхъ направленіяхъ. Пенитенціалы западные разработывали идею удовлетворенія за грѣхъ, восточные покаянные номоканоны—идею врачеванія грѣха: тѣ -- развивали дисциплину карательную, восточные—исправительную. Если по временамъ они и встрѣчались на пути своего развитія, вліяя другъ на друга (какъ это могло быть въ греческой Италіи): то такое вліяніе не могло быть взаимно сильнымъ.

Авторъ приложилъ не мало труда къ изученію своего предмета, какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ подлинникахъ. Признаю его сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

29) Исправляющаго должность доцента Павла Соколова о сочиненіи студента *Платонова Александра*: „Ученіе Тертуліана о душѣ“:

„Маленькое сочиненіе съ большими недостатками. Опредѣляя планъ своей работы, г. Платоновъ выражаетъ желаніе слѣдовать логическому порядку тѣхъ проблемъ, какія

выдвигала предъ Тертуллианомъ его борьба съ гностицизмомъ. Такихъ проблемъ онъ указываетъ четыре: 1) о происхожденіи души, 2) о ея существѣ, 3) о ея жизни и 4) о ея послѣдней судьбѣ. Отсюда онъ дѣлитъ свое сочиненіе на четыре соотвѣтствующихъ „части“, которыя правильнѣе было-бы назвать главами. Однако дальнѣйшее изложеніе не вполне совпадаетъ съ этими рубриками. Рассмотрѣвъ въ первыхъ двухъ частяхъ представленія Тертуллиана о происхожденіи и сущности души, авторъ въ третьей части изслѣдуетъ его ученіе о единствѣ психическихъ силъ, о способностяхъ, объ отношеніи души къ тѣлу, о психической активности и о врожденныхъ идеяхъ, а въ четвертой излагаетъ его мнѣнія о снѣ, сновидѣніяхъ, экстазѣ и о послѣдней судьбѣ человѣка. Сочиненіе заканчивается краткими замѣчаніями о вліяніяхъ, подъ какими сложились психологическіе взгляды Тертуллиана, и еще болѣе краткой оцѣнкой значенія этихъ взглядовъ въ исторіи психологіи.

Краткость, безъ сомнѣнія, драгоцѣнное качество, и въ работѣ г. Платонова она составляетъ, быть можетъ, самое крупное достоинство. Но, къ сожалѣнію, забывая о ней, авторъ опустилъ изъ виду нѣкоторыя важныя стороны своей задачи. Ни одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ въ его планѣ, не изслѣдованъ имъ съ надлежащею полнотой и обстоятельностью. Онъ почти не попытался выяснитъ исторически и критически пресловутый матеріализмъ Тертуллиана и не рассмотрѣлъ какъ слѣдуетъ его ученіе о наслѣдственности; онъ совсѣмъ не коснулся его интересныхъ замѣчаній о самонаблюденіи, о самосознаніи, какъ психологическомъ источникѣ Богопознанія, о „внутренней рѣчи“, о чувствованіяхъ и ихъ зависимости отъ тѣлесныхъ состояній. Излагая взгляды Тертуллиана, онъ не вездѣ позаботился поставить ихъ во внутреннюю связь и почти нигдѣ не отмѣтилъ ихъ внутреннихъ противорѣчій. Вліяніе стоицизма на психологическія воззрѣнія этого „христіанскаго стоика“ показано только въ предѣлахъ его литературной зависимости отъ Сенеки. Понять нѣкоторыя особенности этихъ воззрѣній въ связи съ личнымъ душевнымъ складомъ Тертуллиана не сдѣлано ни малѣйшей попытки. Историческая и научная оцѣнка психологіи Тертуллиана настолько поверхностна и неточна, что ее нельзя было-бы даже назвать этимъ име-

немъ. Авторъ отрицаетъ вліяніе психологическихъ взглядовъ этого писателя на позднѣйшую мысль и не придаетъ имъ безусловно никакого научнаго значенія. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ, конечно, нельзя вполнѣ согласиться. Если бы г. Платоновъ зналъ лучше исторію, то онъ могъ бы прослѣдить многократныя отраженія традуціанизма Тертулліана въ позднѣйшихъ спорахъ о происхожденіи душъ и распространеніи грѣха и увидѣлъ бы, что его материалистическія теоріи вліяли даже на такихъ людей, какъ Гоббсъ. Если бы онъ зналъ лучше психологію, то онъ открылъ бы у него любопытныя аналогіи съ современнымъ ученіемъ объ иллюзіяхъ, съ теоріей эмоцій Ланге-Джемса, съ Вейсмановскою теоріей наслѣдственности, и т. п. Нѣтъ нужды, конечно, преувеличивать значеніе этихъ аналогій, но отмѣтить ихъ было бы интересно. Вообще методъ автора мало наученъ, а его результаты могутъ удовлетворять лишь самымъ скромнымъ требованіямъ. Есть у него и другіе недостатки, но о нихъ я уже не буду говорить.

Однако это не значитъ, что сочиненіе г. Платонова состоитъ только изъ однихъ недостатковъ: „et in pessimis aliquid boni“, сказалъ бы о немъ Тертулліанъ (*De anima*, 41). Авторъ работалъ довольно добросовѣстно и внесъ въ свою компіляцію немало самостоятельнаго труда. Важнѣйшая литература вопроса ему извѣстна. Съ сочиненіями Тертулліана онъ ознакомился не только по пособіямъ и переводамъ, но и въ подлинникѣ. Основные психологическіе взгляды этого писателя переданы если и не полно, то правильно. Изложеніе сжатое и иногда довольно живое. Признать г. Платонова кандидатомъ богословія можно“.

30) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Плотникова Виссаріона*: „Каноническія и юридическія основанія практики русской церкви, позволяющей вступать въ бракъ по снятіи монашества и священства“:

„Авторъ рассматриваетъ взятый имъ для изслѣдованія вопросъ въ слѣдующей постепенности:

Указавъ во введеніи (стр. 1—6) побужденіе, заставившее его подвергнуть изслѣдованію данный вопросъ, авторъ въ гл. 1-й излагаетъ нѣсколько случаевъ нашей церковной практики по этимъ дѣламъ (именно дѣло А. М. Бухарева и дѣло священника А.). Затѣмъ представляетъ краткія свѣ-

дѣнія о практикѣ по этимъ дѣламъ церкви сербской и греческой: ихъ несогласіе съ практикою русской—побуждаетъ поставить вопросъ о законности этой послѣдней.

Въ гл. 2-й (70—117) отдѣлъ 1-й специально о бѣлыхъ священникахъ и діаконахъ, снимающихъ санъ, разсматриваетъ каноническое и гражданское законодательство Византіи: отдѣлъ 2-й—законодательство русской церкви по тому же вопросу (стр. 117—224); отд. 3-й—о снятіи монашескаго сана—обозрѣніе каноническаго законодательства и законовъ Византійскихъ императоровъ (Юстиніана и Льва Философа). Отдл. 4-й—о снятіи монашескаго сана въ Россіи. Сужденія автора о древне-русскомъ монашествѣ, какъ такомъ, которое не давало изъ себя разстригъ. Законъ о снятіи монашества 1823 г. и дальнѣйшая его исторія.

Гл. III-я представляетъ собою заключительную главу, въ которой разрѣшается съ канонической и нравственно-соціальной точекъ зрѣнія вопросъ о законности снятія священства и монашества съ цѣлію вступленія въ бракъ. Въ основу своего рѣшенія авторъ кладетъ разборъ двухъ противоположныхъ мнѣній: 1) бывшего Об.-Прокурора графа А. П. Толстого и Филарета, М. Московскаго. Проходя среднимъ путемъ между этими двумя крайними мнѣніями, авторъ представляетъ довольно умѣренное и благоразумное рѣшеніе вопроса.

Нахожу сочиненіе его заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

31) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Повольни Бранислава*: „Значеніе Тридентскаго собора въ исторіи религіозной реформаціи“:

„Свое изслѣдованіе о Тридентскомъ соборѣ г. Повольни вполне естественно начинаетъ съ разъясненія вопроса о происхожденіи этого явленія, раскрывая ту идею и тѣ историческія условія, которыя его породили. Съ особенною подробностію и успѣхомъ выясняетъ онъ здѣсь различіе въ отношеніяхъ протестантовъ и католиковъ, императора и папъ, къ идеѣ собора вообще и къ осуществленію этой идеи въ Тридентѣ. При всемъ различіи своихъ воззрѣній, католики и протестанты, по мнѣнію автора, сходились однако же въ томъ, что, даже вопреки стремленіямъ папскаго престола, всѣ возлагали на предстоящій соборъ задачу воз-

становленія нарушеннаго церковнаго единства.—Вторая половина *первой* части изслѣдованія имѣетъ своимъ предметомъ характеристику самого Тридентскаго собора со стороны состава его членовъ, порядка дѣлопроизводства и его полной зависимости отъ Рима. Эта зависимость опредѣлила характеръ отношеній собора къ протестантамъ, который всегда былъ неизмѣнно враждебнымъ, а потому и въ результатъ получилось не возстановленіе единства, а полное и окончательное раздѣленіе.

Гдѣ же причина такого результата, повидимому, совсѣмъ не соответствовавшаго общему ожиданію? „Или Тридентскій соборъ“, спрашиваетъ авторъ, „при всѣхъ усиліяхъ не былъ въ состояніи осуществить задачу возстановленія церковнаго единства..., или же онъ эту задачу вовсе и не принималъ и признавалъ своею задачею дѣло иное?“ (стр. 68). Отвѣтъ на этотъ вопросъ составляетъ содержаніе *второй* части сочиненія. Охарактеризовавъ два взгляда на задачу Тридентскаго собора, причемъ по первому изъ этихъ взглядовъ возстановленіе церковнаго единства должно было быть достигнуто путемъ *соглашенія* съ протестантами, а по второму— путемъ безусловнаго ихъ *подчиненія* установившимся воззрѣніямъ римско-католической церкви, авторъ доказываетъ, что, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, соборъ явился представителемъ второго воззрѣнія, что вполне отразилось на постановкѣ и результатахъ его дѣятельности. Истинная задача собора состояла въ томъ, чтобы *утвердить* римско-католическую систему и рѣшительно отвергнуть все, что ей противорѣчило, или отъ нея уклонялось.

Третью часть своего изслѣдованія авторъ посвящаетъ обзору дѣятельности Тридентскаго собора, какъ догматической, такъ и реформаторски-дисциплинарной, выясняя ея значеніе съ положительной и съ отрицательной стороны, т. е. давая отвѣтъ на вопросъ: что сдѣлалъ Тридентскій соборъ для римско-католической церкви самой по себѣ и какое вліяніе оказалъ онъ на отношенія этой церкви къ протестантизму? Авторъ заключаетъ свое сочиненіе замѣчаніями о томъ, возможно ли было воссоединеніе протестантовъ съ римскою церковію въ эпоху Тридентскаго собора и можно-ли надѣяться, что это воссоединеніе совершится когда-либо въ будущемъ.

Трудъ г. Повольни основанъ на серьезномъ изученіи не только главныхъ источниковъ вопроса, каковы акты Тридентскаго собора и его исторіи Сарпи и Паллавичини, но и не малаго количества ученыхъ изслѣдованій по этому предмету, какъ напр. Вессенберга, Менцеля, Ранке, Мауренбрехера, Гольцгаузена, Бришара, Гефеле, Гергенрѣтера и многихъ другихъ, не считая еще тѣхъ многочисленныхъ сочиненій, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу, но къ которымъ автору приходилось весьма нерѣдко прибѣгать для разныхъ догматическихъ или историческихъ справокъ. Всѣ тѣ источники и пособія, которыми авторъ пользовался, цитуются у него съ похвальною точностью, которая даетъ рецензенту полную возможность быстро и съ удобствомъ провѣрить всѣ ссылки, почему-либо требующія такой провѣрки.

Постановка вопроса въ трудѣ г. Повольни и самый ходъ его изслѣдованія имѣютъ въ достаточной степени научный характеръ, такъ что въ общемъ его сочиненіе производитъ на читателя очень хорошее впечатлѣніе, а какъ работа студенческая, представленная для извѣстной цѣли, вполне заслуживаетъ одобренія.

Въ качествѣ замѣчаній считаю нужнымъ указать:

1) Выясняя генезисъ идеи собора въ примѣненіи его къ дѣлу церковной реформы, авторъ находитъ достаточнымъ указать лишь на Лютера и императора Карла V, ни слова не упоминая о реформаторскихъ соборахъ XV вѣка. Отсюда общественное настроеніе по этому вопросу въ XVI вѣкѣ остается невыясненнымъ, а мысли Лютера и Карла V получаютъ преувеличенное значеніе, совсѣмъ не соответствующее дѣйствительности (стр. 3—6).

2) Отношеніе папы къ собору характеризуется у автора не всегда съ достаточною ясностію и полнотою, а потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ образъ дѣйствій папы представляется непонятнымъ и противорѣчивымъ. Иногда напр. папа, по изображенію автора, какъ будто совершенно искренно желаетъ собора и принимаетъ мѣры къ его созванію (стр. 10—11, 14), а затѣмъ тотъ же авторъ заявляетъ рѣшительно, что „папа не желалъ воссоединенія, не желалъ и собора“ и тпд. (стр. 31. 34). Въ значительной степени такая неясность изложенія автора зависитъ отъ его неполноты. Авторъ со-

всѣмъ не касается политическихъ отношеній папскаго престола, а между тѣмъ у папъ XVI вѣка политическія соображенія оказывали весьма большое вліяніе на ихъ церковную дѣятельность и отношеніе къ собору папы Климента VIII-го напр. въ тотъ или другой моментъ его правленія можетъ быть надлежащимъ образомъ понято только при томъ условіи, если мы будемъ принимать во вниманіе тѣ сложныя комбинаціи свѣтской политики, въ которыхъ этотъ первосвященникъ принималъ самое горячее участіе.

3) Излагая догматическія опредѣленія Тридентскаго собора, авторъ почему-то не нашелъ нужнымъ дать предварительно читателю обстоятельное изображеніе того, въ какомъ состояніи находилось вѣроученіе римско-католической церкви въ эпоху, предшествующую разсматриваемому собору. Между тѣмъ, только при такой постановкѣ дѣла можно надлежащимъ образомъ понять какъ соотвѣтствіе Тридентскихъ постановленій запросамъ времени, такъ и ихъ характеръ и значеніе въ исторіи развитія римско-католической догматической системы.

Такъ какъ авторъ иностранецъ и не успѣлъ еще овладѣть русскимъ языкомъ въ совершенствѣ, то въ его сочиненіи встрѣчаются не мало погрѣшностей противъ чистоты и правильности изложенія, а также и ошибокъ грамматическихъ, что, конечно, нельзя ставить ему въ особенную вину. Наиболѣе замѣтна эта слабость въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ переводитъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка, при чемъ въ результатъ получается иногда не мало странностей (напр. стр. 19—20, 56, 72—73, 151, 188 и др.). Встрѣчаются также и такіе примѣры, когда неправильный переводъ приводитъ къ искаженію самой мысли подлинника, чего уже нельзя объяснить только недостаткомъ знанія русскаго языка. На стр. 193 напр. авторъ говоритъ о какихъ-то „двухъ капитуларіяхъ“, тогда какъ въ актахъ Тридентскаго собора рѣчь идетъ объ епископѣ и двухъ каноникахъ капитула; на стр. 212 авторъ консисторію кардиналовъ превращаетъ въ сенатъ; на стр. 198 утверждаетъ, что будто-бы Тридентскій соборъ допускалъ совершеніе брака даже безъ церковнаго вѣнчанія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ соборное опредѣленіе говоритъ только о *тайныхъ* бракахъ, причемъ *священнодѣйствіе тайнства* отнюдь не исключается.

Указанные недостатки не имѣютъ существеннаго значенія при серьезныхъ достоинствахъ сочиненія, которое для при- сужденія автору ученой степени кандидата богословія при- знаю вполне удовлетворительнымъ“.

32) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Пограницкаго-Сергіева Николая*: „Крест- цовое духовенство“:

„Крестцовое духовенство—явленіе незначительное по сво- имъ размѣрамъ—очень характерно для исторіи быта много- страдальнаго духовнаго сословія, являясь продуктомъ тѣхъ тя- желыхъ условій, въ которыя оно было поставлено въ Москов- ской Руси и въ первыя столѣтія послѣ петровской реформы; характерно оно и для московскаго благочестія, создавшаго типъ пастыря—наемника въ собственномъ смыслѣ этого слова. Автору приходилось поэтому кромѣ скудныхъ и раз- сѣянныхъ по разнымъ изданіямъ прямыхъ извѣстій по вопросу „крестцовыхъ попахъ“ широко изучать положеніе, бытъ и нравы древняго духовенства на Руси и коснуться ха- рактера русской религіозности.

Такъ онъ и поступаетъ. Свою значительную по объему (694 стр.) работу онъ распредѣляетъ по такому плану. Гл. I. Крестцовые священнослужители, какъ особый классъ въ средѣ древне-русскаго духовенства. Гл. II. Причины, вы- звавшія появленіе и упрочившія существованіе крестцоваго духовенства. Гл. III. Бытъ крестцовыхъ священнослужите- лей. Гл. IV. Нравственность крестцоваго духовенства. Гл. V. Исторія крестцоваго духовенства. Гл. VI. Историческое зна- ченіе крестцоваго духовенства.—Приложенія. Говоря о про- исхожденіи крестцоваго духовенства и условіяхъ, упро- чившихъ его существованіе, авторъ подробно и въ то же время строго научно изображаетъ тѣ тяжелыя условія, которыя заставляли священнослужителя старой Руси покидать свой приходъ, волочиться по городамъ и селамъ и наниматься съ крестца. Здѣсь ему помогаетъ обширная литература по исторіи древне-русскаго духовенства. Полу- чается мрачная картина безотраднаго положенія. Но у чи- тателя возникаетъ естественный вопросъ: если положеніе духовенства было настолько бѣдственно, то почему не замѣ- чается массоваго стремленія оставить духовное сословіе (по закону—„человѣкъ ищетъ гдѣ лучше“); мало того: почему

мы видимъ обратное движеніе „вдираться во священный чинъ“. Какія обстоятельства уравнивали положеніе дѣла, вотъ вопросъ, который не слѣдовало упускать автору въ этомъ отдѣлѣ. V глава представляетъ добросовѣстный обзоръ тѣхъ мѣръ, которыя принимало правительство начиная съ Стоглаваго собора сначала для упорядоченія крестцоваго духовенства, потомъ для его уничтоженія. Но заглавіе трактата „Исторія крестцоваго духовенства“ будетъ совсѣмъ неточно: исторію явленія никакъ нельзя отождествлять съ тѣми правительственными мѣрами, которыя его касались, и съ слѣдствіями этихъ мѣръ. Кромѣ того—безпритязательно передавая одно правительственное распоряженіе за другимъ, авторъ не потрудился объяснить общую исторію самыхъ этихъ распоряженій: почему это съ извѣстнаго времени русская власть признала крестцовое духовенство, съ которымъ мирилась раньше, явленіемъ нетерпимымъ, почему она съ такою настойчивостью, хотя и безуспѣшно, стала его искоренять. Гл. I, III и IV написаны съ внимательнымъ изученіемъ прямыхъ данныхъ по вопросу, полно и живо. Гл. VI составлена неполно и слабо—особенно разсужденіе объ участи крестцоваго духовенства въ убіеніи Московскаго архіепископа Амвросія. Приятно отмѣтить, что кромѣ изданнаго матеріала авторъ изучалъ и рукописный въ московскихъ книгохранилищахъ и въ приложеніи помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ памятниковъ.

Можно указать по мѣстамъ неудачную аргументацію, нескладныя выраженія (вродѣ—„финансовый взглядъ на духовенство“). Но въ общемъ сочиненіе г. Пограницкаго должно быть признано очень хорошей кандидатской работой“.

33) Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Покровскаго Андрея*: „Педагогическія воззрѣнія Филарета, митрополита Московскаго“:

„Въ предисловіи къ сочиненію (стр. 1—16) г. Покровскій, сказавъ кратко о значеніи митр. Филарета для своего и послѣдующаго времени, намѣчаетъ планъ своего изслѣдованія. По этому плану мы находимъ въ его трудѣ небольшое введеніе, три части изслѣдованія и заключеніе. Во введеніи (стр. 17—26) указываются источники, изъ которыхъ можно почерпнуть мысли Филарета о воспитаніи, отмѣчается отрывочность этихъ мыслей, высказывавшихся большею частію

по случайнымъ внѣшнимъ поводамъ безъ систематически-связнаго изложенія, каковое однакожъ авторъ считаетъ вполне возможнымъ, такъ какъ есть одинъ основной принципъ, объединяющій и проникающій всѣ отдѣльныя мысли святителя. Выясненію этого основного принципа (религіозно-этического) и вообще идеала воспитанія, по воззрѣнію м. Филарета, посвящается затѣмъ первая часть изслѣдованія (стр. 27—82),—при чемъ вторая глава этой части, трактующая о необходимости гармоническаго развитія всѣхъ силъ души человѣческой, имѣетъ довольно неопредѣленное надписаніе: „характерныя черты воспитанія и образованія“ (стр. 57).—Во второй части изслѣдованія излагаются съ большей или меньшей подробностью мысли м. Филарета касательно „религіозно-нравственнаго воспитанія“ (гл. 1, стр. 83—177), „умственно-эстетическаго образованія“ (гл. 2, стр. 178—248) и „физическаго воспитанія“ (гл. 3, стр. 249—266).—Въ третьей части первая глава трактуетъ о „начальномъ народномъ образованіи“ (стр. 270—329), а вторая глава о „воспитаніи и образованіи духовнаго юношества“ (стр. 330—454). Наконецъ, въ заключеніи (стр. 455—470) сказано нѣсколько словъ о значеніи педагогическихъ воззрѣній м. Филарета для своего времени и отчасти для нашего.

Представленный планъ изслѣдованія, конечно, едва ли можно признать удачнымъ, такъ какъ при немъ оказываются неизбѣжными нѣкоторыя повторенія, а кое что является совсѣмъ не на мѣстѣ (напр. разсужденіе о женскомъ воспитаніи отнесено въ главу объ умственно-эстетическомъ образованіи). Но это не помѣшало автору изложить мысли м. Филарета о воспитаніи съ надлежащей полнотою и отчетливостію. Видно, что онъ съ любовью и очень внимательно изучалъ многочисленныя сочиненія Московскаго святителя. И можно пожалѣть развѣ только о томъ, что онъ ни въ какомъ пунктѣ не рѣшился подвергнуть воззрѣнія м. Филарета критическому обсужденію, хотя поводы къ тому были. Подъ замѣтнымъ обаяніемъ строгой мысли сильнаго ума, нашъ авторъ заявилъ даже, что у м. Филарета можно найти „безспорное рѣшеніе любого педагогическаго вопроса“ (стр. 21).

Для степени кандидата богословія разсматриваемый трудъ долженъ быть признанъ вполне достаточнымъ“.

34) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова

о сочиненіи студента *Померанцева Александра*: „Церковная жизнь въ Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія по сочиненіямъ *Посошкова*“:

„Задача сочиненія, какъ понимаетъ ее и авторъ,—нарисовать картину церковной жизни Россіи начала XVIII стол. при помощи данныхъ представляемыхъ сочиненіями *Посошкова*, восполняя по мѣстамъ скудость этихъ данныхъ извѣстіями другихъ источниковъ. Въ I гл. описываются положеніе, бытъ и нравы тогдашняго духовенства высшаго и низшаго, чернаго и бѣлаго; во II-й, болѣе обширной, изображается религіозно-нравственное состояніе общества: сначала „идейныя основы“, проще говоря религіозно-нравственное міросозерцаніе русскаго человѣка по *Посошкову*, потомъ внѣшнія проявленія русской религіозности, наконецъ отношенія церкви къ тогдашнимъ врагамъ своимъ—лютеранамъ и раскольникамъ и этихъ послѣднихъ къ церкви.

При пользованіи главнымъ источникомъ авторъ обнаружилъ значительную долю внимательности, но нельзя сказать, что бы онъ исчерпалъ его вполне: напр. ему остались неизвѣстными недавно изданные *В. И. Срезневскимъ* Сборники писемъ *Посошкова* къ митр. *Стефану Яворскому* (СПб. 1900), раньше напечатанные въ отрывкахъ. Изучивъ главнѣйшіе труды крестьянина—публициста, авторъ пропустилъ все таки нѣкоторыя подробности—мелкія черты, важныя однако для исторіи религіозно-церковнаго быта, такъ какъ онѣ служатъ иногда живой иллюстраціей къ фактамъ, констатированнымъ другими наримѣръ официальными источниками. Слѣдуетъ отмѣтить въ похвалу автору, что встрѣчающіеся у *Посошкова* намеки или не совсѣмъ ясныя показанія онъ усердно сопоставляетъ съ данными другихъ источниковъ и большей частью удачно выясняетъ. Но бываетъ, что онъ увлекается посторонними источниками, ставитъ ихъ на главное мѣсто, а свидѣтельства *Посошкова* загоняетъ подъ строку даже въ видѣ нѣмыхъ цитатъ. Такъ получаютъ обстоятельные трактаты по вопросамъ, которыхъ *Посошковъ* касался слегка.—*Посошковъ* писатель переходной эпохи, представитель двухъ половинъ русской исторіи: его отвлеченные идеалы и вѣрованія старорусскіе—они совпадаютъ съ убѣжденіями лучшихъ христіанъ нашей древности и покоятся на прежнихъ незыблемыхъ авторитетахъ;

а въ практической области Посошковъ былъ прогрессистъ, сторонникъ реформы, прожектеръ, представитель нарождающейся новой Россіи. Авторъ подмѣтилъ и разработалъ первую сторону въ сочиненіяхъ Посошкова, но страннымъ образомъ совершенно упустилъ изъ вида вторую. Въ своихъ проэктахъ публицистъ XVIII стол. не оставилъ безъ вниманія церковную жизнь, напротивъ представилъ много важныхъ соображеній и жизненныхъ указаній и случилось, что эти проэкта самоучки крестьянина совпадали потомъ съ распоряженіями высшей власти. Насколько практичны были проэкта Посошкова относительно разныхъ сторонъ церковной жизни, насколько эти проэкта осуществлены были въ законодательствѣ Петровскаго и послѣ—петровскаго времени, объ этомъ г. Померанцеву слѣдовало вести обстоятельную рѣчь, а то мы не видимъ ясно изъ его сочиненія, что Посошковъ описываетъ жизнь русской церкви въ эпоху преобразованій: картина вышла неполна.

Въ общемъ сочиненіе г. Померанцева вполне удовлетворительно и даетъ ему право на полученіе кандидатской степени. Но съ прискорбіемъ я долженъ отмѣтить одинъ недостатокъ, неожиданный въ сочиненіи на ученую степень: переписанное авторомъ собственноручно оно содержитъ грубыя грамматическія ошибки („пересѣляются“ стр. 67, „благодѣнствіе“ стр. 174, „не разу“ 250, „держуть“ 173 и др.)“.

35) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Саввича Симона*: „Исторія богомилства въ юго-славянскихъ земляхъ“:

„Сочиненіе г. Саввича (VII+302 стр.) представляетъ собой популярное и систематическое изложеніе исторіи богомилства въ юго-славянскихъ земляхъ на основаніи тѣхъ пособій, какими съумѣлъ раздобыться авторъ. Въ большей части отдѣловъ своего сочиненія авторъ идетъ главнымъ образомъ за однимъ какимъ-либо пособіемъ,—впрочемъ, не копируя его буквально, но послѣдовательно извлекая изъ него то, что относится къ его темѣ (такъ предисловіе (1—71 стр.) составлено главнымъ образомъ по Шафарыку и Гильфердингу; отдѣлъ о богомилствѣ въ сѣверной Болгаріи по Дринову; богомилство въ Босніи по Кланчу и Рачкому и т. д.). Отсюда видно, что къ его сочиненію не примѣнимы научныя требо-

ванія; его можно оцѣнивать лишь примѣнительно къ той цѣли, для какой оно написано.

Но и въ этомъ отношеніи оно оставляетъ желать многого. Хотя самъ авторъ, согласно темѣ, ограничиваетъ свою исторію богомилства географическими предѣлами южнаго славянства, однако у него есть отдѣлъ о богомилствѣ въ Византіи (172—194 стр.), въ которомъ, между прочимъ, Анна Комнина, существующая въ русскомъ переводѣ, цитруется по Рачкому (173 стр.). Встрѣчаются лишніе отдѣлы, не имѣющіе никакого отношенія къ темѣ, какъ, напр., разсужденія о политическихъ заслугахъ Стефана Нѣмани (201 стр.), и неожиданныя сообщенія въ родѣ того, что „Голубинная книга есть сборникъ апокрифовъ (149 стр.)“, что „у всѣхъ учителей дуализма былъ обычай носить по два имени (83 стр.)“, что „деизмъ раздѣляетъ Божество на начало добра и начало зла (179 стр.)“ и т. п. Сочиненіе Калайдовича объ Іоаннѣ Болгарскомъ считается памятникомъ древней славянской письменности (стр. 83). Но въ особый упрекъ автору нужно поставить его неосновательныя сужденія и грубыя выраженія о грекахъ: въ грекахъ онъ видитъ источникъ всѣхъ золъ южнаго славянства; на нихъ онъ возлагаетъ всю отвѣтственность за пороки и преступленія славянъ; о греческихъ дѣятеляхъ выражается не иначе, какъ съ присоединеніемъ эпитетовъ: „хитрый, коварный“ и даже „подлый“ (напр. „въ высшей степени подлость“—о дѣйствіяхъ Алексѣя Комнина, стр. 187; „коварный и хитрый, какъ свойственно всѣмъ грекамъ“—о немъ же, стр. 174).

Однако, принимая во вниманіе, 1) что большая часть отмѣченныхъ недостатковъ имѣетъ частный характеръ, 2) что многіе изъ нихъ извиняются иностраннымъ происхожденіемъ автора и недостаточнымъ знакомствомъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ и 3) что авторъ прочелъ обширную ученую литературу по своему вопросу и изложилъ ея результаты систематически, считаемъ его сочиненіе достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

36) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Снѣгирева Вячеслава*: „Гавриилъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, какъ проповѣдникъ“:

„Въ 1902 году исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти м. Гавриила, стоявшаго нѣкогда во главѣ Церкви, необыкновенно

много потрудившагося для блага Церкви, пользовавшагося большимъ вниманіемъ не только различныхъ высокопоставленныхъ лицъ, но и даже высочайшихъ Особъ. Въ свое время его имя было почти у всѣхъ на устахъ. Воскресить образъ великаго почившаго церковнаго дѣятеля и взять на себя трудъ г. Снѣгиревъ. Сочиненіе автора состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Въ введеніи авторъ говоритъ о планѣ, раздѣленіи, методѣ, источникахъ и пособіяхъ своего сочиненія. Авторомъ была собрана довольно значительная литература (44 источн.). Для него были выписаны изъ бібліотеки С.-Петербургской Духовной Академіи двѣ очень цѣнныя рукописи за №№ 59. 99. Авторомъ не опущено ни одно изъ болѣе выдающихся сочиненій, начиная съ самаго древняго времени и кончая самыми послѣдними днями, послѣдними литературными новинками. Не только отдѣльныя изслѣдованія о м. Гавріилѣ не забыты имъ, но и даже и различныя, большія и меньшія, журнальныя статьи, написанныя по поводу празднованія 100-лѣтняго юбилея со дня смерти м. Гавріила (1—11). Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о Гавріилѣ, его служеніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и на епархіи въ качествѣ самостоятельнаго архіерея. Особаго вниманія въ этой главѣ, конечно, заслуживаетъ раскрытіе авторомъ взгляда м. Гавріила на проповѣдь и проповѣдничество. М. Гавріилъ считалъ „служеніе слова“ главною обязанностію пастыря и весьма заботился о поднятіи проповѣдничества среди пастырей. Не мало имъ было сдѣлано въ этомъ отношеніи. Такъ, онъ пишетъ инструкцію благочиннымъ, въ которой много удѣляетъ вниманія тому, что и какъ долженъ проповѣдовать священникъ, какъ они (благочинные) должны слѣдить за проповѣдничествомъ священниковъ (73. 75). Въ предупрежденіе опущеній со стороны священниковъ въ отношеніи постоянного проповѣдованія слова Божія Гавріиломъ даже предписано было „обязать діаконовъ и пономарей доносить объ этомъ митрополиту“ (Архив. Новгород. Консист. 1786 г. № 202). Онъ учреждаетъ очередное проповѣдничество, отъ котораго не освобождалъ никого, какъ бы кто не пытался уклониться отъ этого долга (80 сл.). При опредѣленіи на священническія мѣста, обращаетъ серьезное вниманіе на проповѣдническій талантъ священника и отдаетъ полное преимуще-

ство искуснымъ въ „служеніи слова“ предъ малоискусными (81 сл.). Онъ учреждаетъ цензоровъ для чтенія проповѣдей (82 сл.), составляетъ перечень темъ для проповѣдей (84 сл.), выписываетъ для священниковъ „наставленіе проповѣдникамъ“ (86 сл.), снабжаетъ ихъ проповѣдническими сборниками, книгами религіозно-нравственнаго содержанія, самъ составляетъ сборникъ „краткихъ поученій“, который быстро выдерживаетъ нѣсколько изданій, принимаетъ живое и дѣятельное участіе въ составленіи обширнаго сборника проповѣдей на „всѣ воскресные и праздничные дни“. Этотъ сборникъ также выдержалъ нѣсколько изданій. Заботился м. Гавріиль о развитіи проповѣдничества и въ семинаріи, рекомендуя учителю краснорѣчія постоянно и неопустительно упражнять учениковъ въ сочиненіи и произнесеніи рѣчей. Гавріиль „всемирно старался, чтобы ученики были хорошіе проповѣдники“. Съ этою цѣлю не только учениковъ богословія, но и философіи заставлялъ произносить проповѣди въ церкви и отъ наставника краснорѣчія въ Академіи онъ требовалъ „упражнять питомцевъ въ составленіи проповѣдей, дѣлать примѣчанія о слогѣ“ и проч. И своимъ примѣромъ м. Гавріиль старался воздѣйствовать на священниковъ, преслѣдуя свою завѣтную цѣль сдѣлать изъ нихъ пастырей-учителей, а не молчальниковъ (11—152).

Во второй главѣ авторъ занимается опредѣленіемъ числа проповѣдей, произнесенныхъ м. Гавріиломъ. Указанія на число проповѣдей м. Гавріила можно находить въ трудахъ: Сопикова, м. Евгенія (Болховитинова), Смирдина, Полѣнова, архим. Макарія, Филарета Черниговскаго, Сухомлинова, Геннади, прот. Жмакина и Родосскаго. Показанія вышеназванныхъ авторовъ о числѣ проповѣдей, оставшихся послѣ м. Гавріила, различны. Авторъ взялъ на себя нелегкій трудъ разобраться въ этихъ несогласованныхъ свидѣтельствахъ и вышелъ изъ затрудненія, нужно сказать, съ честію и большимъ искусствомъ. Ему удалось не только весьма близко подойти къ истинѣ, но и еще сказать совершенно новое слово, которое вноситъ существенную поправку въ извѣстные письменные памятники по этому вопросу. Особенно это нужно сказать о числѣ неизданныхъ проповѣдей м. Гавріила. Ихъ обыкновенно насчитываютъ 32. Путемъ самаго тщательнаго, кропотливаго и вполнѣ научнаго изученія этихъ про-

повѣдей, авторъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что 10 изъ нихъ принадлежать не м. Гавріилу, а Златоусту, Ильѣ Минятію, Сорену, Гедеону (Криновскому) и Платону (Левшину). Авторъ всюду приводитъ параллельные тексты— греческій, латинскій, французскій, русскій, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно принадлежности этихъ проповѣдей извѣстному автору. Къ сожалѣнію, авторъ изучилъ и проанализировалъ такимъ образомъ только 10 проповѣдей. Мы советуемъ ему изучить самымъ тщательнымъ образомъ и прочія 22 проповѣди, приписываемыя м. Гавріилу, и о результатахъ своего изслѣдованія сообщить въ печати (153—261).

Въ третьей главѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ проповѣдей м. Гавріила со стороны содержанія, формы и изложенія. Авторъ могъ бы здѣсь болѣе широко посмотреть на дѣло, чѣмъ какъ онъ посмотрѣлъ на него (262—292).

Въ заключеніи авторъ подводитъ краткій итогъ своимъ изслѣдованіямъ о м. Гавріилѣ, какъ проповѣдникѣ.

Сочиненіе написано довольно литературно, не пестритъ особенно иностранными словами (77. 107. 109. 139), почти совершенно свободно отъ описокъ (41. 46. 126. 134. 149). Къ сожалѣнію, есть въ немъ не мало лишняго, неимѣющаго почти никакого отношенія къ темѣ (51 слл. 61 слл. и мн. др.), встрѣчаются преувеличенія (51 и др.). Дѣленіе на главы по мѣстамъ нуждается въ поправкахъ (11—136. 136—152), анализъ проповѣдей съ внѣшней и внутренней стороны далеко не отличается обстоятельностью, архивы съ драгоценными рукописными матеріалами остались необслѣдованными авторомъ.

Степени кандидата за свой трудъ авторъ заслуживаетъ.

37) Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Спаскаго Георгія*: „Закономѣрность и „контингентность“ въ исторіи религіи“:

„Въ основу сочиненія автора положена глава изъ нашего изслѣдованія: *Религіозное сознаніе язычества*. Однако, взявъ общую схему, авторъ остается достаточно самостоятельнымъ въ раскрытіи деталей вопроса и во многомъ освѣщаетъ его съ тѣхъ сторонъ, которыхъ мы не имѣли въ виду. При этомъ онъ проявляетъ большую начитанность и, хотя нерѣдко злоупотребляетъ выписками,—всегда, впрочемъ, цитируемыми,—однако, нить изложенія, опредѣляемая его соб-

ственнымъ точкою зрѣнія, у него ясна и нигдѣ не теряется.— Сочиненіе не блещетъ литературными достоинствами (языкъ тяжеловатъ и обилуетъ вычурными выраженіями: „гвоздь теоріи“, „вылазка въ область сверхъопытную“, „экзотическое разсмотрѣніе“ и мн. др.). Глубокомыслиемъ и оригинальностью сужденій оно также не поражаетъ. Но обсужденіе вопроса въ немъ довольно обстоятельно и литературные приемы въ общемъ настолько правильны, что нѣтъ никакихъ существенныхъ препятствій признать сочиненіе удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

38) Заслуженнаго ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Тихомирова Алексія*: „Несостоятельность современнаго натуралистическаго направленія въ литературѣ предъ задачами духовно - нравственнаго воспитанія общества“:

„Сочиненіе г. Тихомирова состоитъ изъ введенія и пяти главъ изслѣдованія.

Въ введеніи (1—14) авторъ, отмѣтивъ фактъ общераспространенности произведеній изящной литературы и болѣе или менѣе сильное дѣйствіе ихъ на человѣка и особенно на молодое поколѣніе, останавливается въ частности на французской натуралистической литературѣ и ея вліяніи на общество, засвидѣтельствованномъ и въ самой этой литературѣ. Авторъ ставитъ своею задачей разсмотрѣть французскую натуралистическую литературу съ этой точки зрѣнія, „разобрать, насколько она грѣшитъ предъ обществомъ, насколько она несостоятельна предъ задачами духовно - нравственнаго воспитанія общества“. Но предварительно авторъ обращается къ выясненію вопроса, „что такое натурализмъ, каковы его общія начала, какъ особаго литературнаго направленія, каковы его задачи и главнымъ образомъ, каково его міросозерцаніе, его, такъ сказать, философія, всегда сильно отражающаяся въ жизни общества“ (14).

Въ главѣ первой (15—29) авторъ отмѣчаетъ условія жизни, способствовавшія происхожденію и развитію литературнаго натурализма: необычайные успѣхи естественныхъ наукъ и самонадѣянную роль этихъ наукъ замѣнить собой людямъ все: религію и нравственность,—упадокъ вѣры и нравственности, какъ результатъ исключительнаго господства фактовъ

положительной науки. Для иллюстраціи дается характеристика современной французской молодежи по сочиненію Бурже.

Въ главѣ второй (29—62) авторъ даетъ краткую генеалогію натурализма. Указавъ на романтизмъ, какъ на переходную ступень къ реализму вообще и натурализму въ частности, авторъ говоритъ о Стендалѣ и Мериме, какъ инициаторахъ новаго направленія, Бальзакъ, давшемъ прототипъ натуралистическаго романа, Густавъ Флоберъ, художникъ формы и стиля, братьяхъ Гонкурахъ и ихъ импрессионистскомъ стилѣ.

Глава третья (63—118) посвящена Эмилю Золя и Гюи-де-Мопассану, какъ писателямъ натуралистамъ, а въ концѣ главы авторъ говоритъ о писателяхъ психологахъ: Бурже и Прево, какъ натуралистахъ, о современныхъ французскихъ писателяхъ младшаго поколѣнія и о вліяніи на французскую литературу иностранныхъ литературъ, въ частности—русской.

Въ главѣ четвертой (118—197) предлагается характеристика натуралистическаго міровоззрѣнія Золя, Мопассана и Прево, міровоззрѣніе, итогъ котораго вкратцѣ таковъ: „материализмъ, въ области вѣры и небесныхъ идеаловъ поражающій атеизмъ, опытная наука, устроительница счастья чловѣка, отрицающая все сверхъестественное, и пессимизмъ, какъ естественный результатъ неудовлетворенности чловѣка такимъ счастьемъ, какъ результатъ скорби его души“ (196—197).

Въ главѣ пятой (197—247) авторъ ставитъ на разрѣшеніе вопросъ: въ чемъ обнаруживается и можетъ обнаруживаться растлѣвающее вліяніе произведеній натуралистической школы и въ чемъ они обнаруживаютъ свою несостоятельность предъ задачами духовно-нравственнаго воспитанія общества. Отмѣчается неправильное смѣшеніе искусства и науки, притупленіе нравственнаго чувства, попираніе идеала, неспособность дать удовлетвореніе духовнымъ запросамъ, каковое удовлетвореніе можетъ дать только христіанская религія.

Какъ видно изъ представленнаго обзора содержанія сочиненія г. Тихомирова, въ первыхъ четырехъ главахъ дается исторія и характеристика натуралистическаго романа и натуралистическаго міровоззрѣнія, и только въ пятой

дается прямой отвѣтъ на поставленный въ заглавіи темы вопросъ. Этотъ методологическій недостатокъ—неравномѣрность частей, неполное соотвѣтствіе сочиненія данной темѣ объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что остановившись подробно на исторіи и характеристикѣ натуралистическаго романа (причемъ о главныхъ представителяхъ его говорится два раза, въ двухъ главахъ, отдѣльно со стороны метода и со стороны міровоззрѣнія), авторъ, за недостаткомъ времени, не успѣлъ обстоятельно раскрыть главный вопросъ. Но отвѣтъ, предложенный въ пятой главѣ,—при краткости, ясный, точный, правильный. Авторъ показалъ достаточное знакомство съ французской натуралистической литературой. Языкъ сочиненія чистый, правильный. Для получения кандидатской степени сочиненіе г. Тихомирова вполне удовлетворительно“.

39) Заслуженнаго ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Третьякова Петра*: „Воззрѣнія Шекспира на нравственную природу человѣка“:

„Сочиненіе г. Третьякова состоитъ изъ предисловія и трехъ главъ изслѣдованія.

Въ предисловіи (I—XXX) авторъ отмѣчаетъ возможность и необходимость изученія нравственной природы человѣка по произведеніямъ поэтовъ, вообще и Шекспира въ частности, устанавливаетъ точку зрѣнія въ пониманіи этическихъ воззрѣній Шекспира и перечисляетъ имѣвшіеся подъ руками источники и пособія.

Глава первая (1—36) трактуетъ съ точки зрѣнія Шекспира о человѣкѣ, какъ существѣ духовно-тѣлесномъ. Въ частности отмѣчаются тѣсная связь тѣлеснаго и духовнаго началъ въ человѣкѣ, печальныя слѣдствія уклоненія человѣка въ одностороннее развитіе своей природы и, какъ необходимыя условія возвращенія на правый путь — самопознаніе и усилія воли. Всѣ эти данныя психологіи иллюстрируются чертами дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ Шекспира.

Глава вторая, самая обширная (37—184) трактуетъ о человѣкѣ, какъ существѣ нравственномъ, и подраздѣляется на три отдѣленія, соотвѣтственно основнымъ элементамъ нравственной природы человѣка, каковы: свобода воли, долгъ и совѣсть. Въ частности, въ первомъ отдѣленіи (48—141) указываются, съ точки зрѣнія Шекспира, самопознаніе и

самообладаніе, какъ необходимыя условія свободы воли, уклоненія свободы воли въ произволь и печальныя слѣдствія человѣческой дѣятельности, основанной на произволѣ, въ виду чего свобода воли должна находиться въ тѣсной связи съ присущимъ человѣку чувствомъ долга. Во второмъ отдѣленіи (141—159) указываются всеобщность и общеобязательность чувства долга и въ третьемъ отдѣленіи (160—181) раскрываются судебная и мѣдовоздаятельная функціи совѣсти. На примѣрахъ дѣйствующихъ лицъ произведеній Шекспира отмѣчается чрезвычайная сила пріятныхъ или тяжелыхъ чувствованій совѣсти.

Глава третья (185—250) говоритъ о человѣкѣ въ его нравственномъ совершенствованіи. Гармонія является необходимымъ условіемъ правильнаго развитія духовно-нравственныхъ силъ человѣка. Дисгармонія въ развитіи нравственной природы приводитъ человѣка къ трагическому концу. Указываются въ произведеніяхъ Шекспира примѣры какъ односторонняго, такъ и гармоническаго развитія нравственной природы человѣка.

Таково содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Нѣкоторыя стороны нравственной природы человѣка могли бы быть раскрыты полнѣе и частнѣе, напр. та нравственная аксіома, которую имѣлъ въ виду Шекспиръ при созданіи типа принца Генриха (въ драмѣ „Генрихъ IV^а“), именно, что силы, кому бы ни были онѣ даны, требуютъ себѣ примѣненія, дѣятельности, и если ихъ не представляется возможности обратить на дѣятельность благую, то онѣ часто избираютъ себѣ и весьма незаконныя примѣненія (о принцѣ Генрихѣ въ сочиненіи автора стр. 30—33). Но въ общемъ предметъ раскрытъ авторомъ удовлетворительно. Авторъ обнаружилъ достаточное знакомство съ данными психологіи, съ сочиненіями Шекспира и съ лучшими пособіями по изученію его произведеній. Языкъ сочиненія по большей части правильный. Для полученія кандидатской степени сочиненіе г. Третьякова удовлетворительно“.

40) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Троицкаго Ивана*: „Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества“.

„Главной задачей своего „Обозрѣнія источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества“ авторъ ставитъ рѣше-

ніе вопроса о томъ, въ какомъ взаимоотношеніи стоятъ новооткрытые (коптскіе и арабскіе) источники этой исторіи къ прежнимъ (греческимъ и латинскимъ) источникамъ, „какіе изъ нихъ являются оригинальными и какіе переработкой или переводомъ первыхъ? Такое или иное рѣшеніе этого вопроса,—говоритъ онъ въ введеніи къ своему сочиненію,—дастъ намъ прямой отвѣтъ и на вопросъ о томъ, что же собственно привнесли къ старымъ источникамъ источники новооткрытые и какую цѣнность они представляютъ для исторіи монашества (стр. 6)“. Такую постановку дѣла нужно признать совершенно правильной, потому что она требуется современнымъ состояніемъ научнаго изслѣдованія по начальной исторіи монашества. Съ тѣхъ поръ, какъ французскій египтологъ Амелино, въ изданіяхъ 1888—1895 г.г., ознакомилъ ученый міръ съ новооткрытыми коптскими и арабскими документами о первыхъ основателяхъ монашескаго житія, центральное мѣсто въ этой области заняла проблема объ отношеніи этихъ новыхъ документовъ къ прежде извѣстнымъ источникамъ. Правда, западная наука въ лицѣ самого издателя новыхъ документовъ, а также и въ лицѣ другихъ ученыхъ (Грюцмахеръ, Ладэзъ) сдѣлала уже попытки къ рѣшенію этой проблемы, но результаты этихъ попытокъ еще далеко не приняты общимъ научнымъ сознаніемъ и, при своемъ взаимномъ противорѣчій, нуждаются въ повѣркѣ. Такимъ образомъ, и въ настоящее время главная задача въ изученіи начальной исторіи монашества сводится къ опредѣленію взаимоотношенія источниковъ ея и ихъ сравнительной цѣнности, т. е. къ суммѣ тѣхъ вопросовъ, какіе намѣчены г. Троицкимъ въ введеніи къ своему сочиненію.

Соотвѣтственно этой задачѣ авторъ выбираетъ и матеріалъ для своего изслѣдованія. Его „обозрѣніе источниковъ“ не даетъ въ себѣ разсмотрѣнія всѣхъ существующихъ литературныхъ памятниковъ начальной исторіи египетскаго монашества, какъ это прямо требовалось бы его темой. Въ его сочиненіи мы не находимъ напр. „Жизни Антонія“, составленной Аванасіемъ Александрійскимъ, „Тавсаика“, „Исторіи монаховъ“ и нѣк. др. Но эта внѣшняя незаконченность сочиненія не только извиняется естественнымъ недостаткомъ времени у автора, обиліемъ матеріала, подлежащаго его изслѣдованію и запутанностью сужденій о немъ новѣй-

шей литературы, но и имѣетъ за себя разумное основаніе. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ или второстепенные источники, какъ „Лавсанкъ“ и „Жизнь монаховъ“, или такіе, которые подобно „Жизни Антонія“, не вызывающей никакихъ недоумѣній, ничего не могли дать для главной его задачи. За то отложивъ на будущее этотъ, такъ сказать, побочный матеріалъ, авторъ получилъ возможность сосредоточиться на центральной проблемѣ своей темы о взаимоотношеніи новыхъ и старыхъ источниковъ и далъ такую работу, которая, какъ увидимъ ниже, заслуживаетъ полного одобренія.

Въ своемъ настоящемъ видѣ (299+IV стр.) сочиненіе г. Троицкаго обзрѣваетъ слѣдующіе источники начальной исторіи египетскаго монашества: 1) „Жизнь св. Пахомія“, изданную Болландистами и являющуюся основнымъ греческимъ источникомъ для исторіи этого дѣятеля (7—43 стр.); 2) т. наз. „Паралипомены“ или дополненія, сдѣланныя позднѣе къ этой жизни (44—65 стр.); 3) двѣ латинскія переводныя редакціи жизни Пахомія, дошедшія до насъ одна подъ несправедливо усвоеннымъ ей именемъ Симеона Метафраста, — другая въ латинскомъ переводѣ Діонисія Малаго (65—82 стр.); 4) письмо еп. Аммона о жизни Пахомія и Теодора къ Теофилу Александрійскому (82 — 92); 5) правила Пахомія по семи редакціямъ (82—135); 6) коптскіе и арабскіе источники о жизни Пахомія и Теодора, изданные Амелино (160—265) и 7) „Жизнь Павла Фивейскаго“, приписываемую бл. Иерониму (265—299). Всѣ эти памятники, обнимая собой весь основной матеріалъ по начальной исторіи монашества, въ научномъ отношеніи вызываютъ къ себѣ тотъ интересъ, что, за исключеніемъ письма Аммона, всѣ они сохранились въ двоякаго рода редакціяхъ, изъ которыхъ однѣ (арабскія и коптскія) ведутъ происхожденіе отъ коптовъ, другія (греческія и латинскія)—отъ грековъ. Около этихъ именно памятниковъ и централизуется кардинальный вопросъ о взаимоотношеніи источниковъ. Какъ же рѣшаетъ его г. Троицкій?

Его взглядъ на дѣло въ высшей степени прямолинейный. Въ рѣшительной оппозиціи къ Амелино, превознесшему вновь изданные имъ коптскіе и арабскіе документы, онъ энергично становится на сторону греческихъ источниковъ и

по всѣмъ пунктамъ защищаетъ ихъ научную честь. Первымъ писателемъ житія Пахомія былъ, по его выводамъ, грекъ; лучший и наиболѣе цѣнный для науки источникъ о жизни Пахомія и Теодора предлежитъ намъ въ житіи, составленномъ этимъ грекомъ и изданномъ у Болландистовъ. Тотъ же результатъ получается и при изслѣдованіи „Правиль Пахомія“ и „Жизни Павла Фивейскаго“; и здѣсь научное преимущество и авторская оригинальность на сторонѣ прежнихъ источниковъ. Что же касается до коптскихъ и арабскихъ сказаній, то они представляютъ собой переводъ или, лучше, передѣлку греческихъ оригиналовъ въ коптскомъ вкусѣ и заслуживаютъ научнаго довѣрія настолько, насколько подтверждаются этими послѣдними; то, что въ нихъ есть лишняго, по большей части является позднѣйшимъ наслоеніемъ, не имѣющимъ подъ собой реальной почвы.

Не считаемъ умѣстнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе изложеннаго сейчасъ взгляда автора на основной пунктъ его сочиненія, такъ какъ для этого потребовалось бы написать не меньшую диссертацию, чѣмъ представленная г. Троицкимъ. Ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ, что въ такихъ сложныхъ и спорныхъ историческихъ проблемахъ всякое рѣшеніе можетъ претендовать только на извѣстную степень вѣроятности, высказываемое же слишкомъ категорически оно всегда рискуетъ вызвать противъ себя серьезныя возраженія. Но получить или нѣтъ общій результатъ сочиненія Троицкаго признаніе въ наукѣ (предсказать это трудно хотя бы уже потому, что въ этой области всегда можно ожидать новыхъ открытій), во всякомъ случаѣ его работа является серьезнымъ трудомъ по изучаемому вопросу, имѣющимъ положительное научное значеніе; въ пользу своего тезиса она привлекаетъ такую массу аргументовъ, съ которою не легко будетъ считаться будущему изслѣдователю этого вопроса.

Авторъ полный хозяинъ своего дѣла. Подлежавшіе его разсмотрѣнію источники изучены имъ большею частію въ оригинальномъ текстѣ; старыя—въ греческомъ и латинскомъ, новыя—въ французскомъ переводѣ Амелино, причемъ есть основанія думать, что коптскіе документы были доступны автору въ ихъ подлинномъ языкѣ. Сравненіе различныхъ текстовъ источниковъ и ихъ редакцій произведено тщательно.

Каждый источник обследованъ со стороны его происхожденія, текста, автора, времени появленія, отношенія къ другимъ источникамъ и научной цѣнности. Впрочемъ въ подобнаго рода работахъ мало одного знанія языковъ и привычки къ труду: еще болѣе нужны способность къ анализу и извѣстная доля находчивости. И этими качествами авторъ не обиженъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при сличеніи текстовъ, ему удалось сдѣлать тонкія наблюденія, помогшія ему выйти изъ затрудненій. Если, какъ мы сказали, главный тезисъ его сочиненія и можетъ встрѣтить возраженія, то въ частные пункты своей темы онъ вноситъ новыя точки зрѣнія и его выводы имѣютъ твердый характеръ. Въ особую заслугу нужно поставить автору то, что, не довольствуясь печатнымъ матеріаломъ, онъ расширилъ его, воспользовавшись рукописями Московской Синодальной библіотеки. Такъ, отсюда онъ извлекъ новую греческую редакцію правилъ Пахомія и удачно примѣнилъ ее къ рѣшенію темнаго вопроса о взаимоотношеніи существующихъ въ печати редакцій этихъ правилъ (стр. 117; списокъ этой редакціи приложенъ къ сочиненію). Еще важнѣе привлеченный имъ къ дѣлу греческій списокъ (№ 165) житія Павла Фивейскаго: въ спорномъ вопросѣ объ авторствѣ Иеронима этотъ списокъ долженъ имѣть рѣшающее значеніе. Все это представляетъ собою уже положительное научное приобрѣтеніе.

Изъ всего сказаннаго ясно, что авторъ не только заслуживаетъ за свое сочиненіе степени кандидата богословія, но и достоинъ особаго вниманія и поощренія со стороны Совѣта Академіи“.

41) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Успенскаго Владимира*: „Участіе церковной іерархіи въ Боярской Думѣ и Земскихъ соборахъ“:

„Въ своемъ сочиненіи авторъ различаетъ рѣзко три правительственныхъ учрежденія, участіе въ коихъ духовенства и іерархіи онъ предполагаетъ изобразить; эти учрежденія: Боярская Дума, Вѣче и Земскій соборъ.

Участіе іерархіи въ Боярской Думѣ авторъ разсматриваетъ, соотвѣтственно тремъ періодамъ русской исторіи, въ трехъ отдѣленіяхъ: 1) въ Кіевскій періодъ; 2) въ Московскій и 3) въ патріаршій періодъ. Участіе церковной іерархіи въ Боярской Думѣ великаго князя началось со времени утвер-

жденія христіанства на Руси при св. Владимірѣ. Какъ ни скупы лѣтописныя свидѣтельства, тѣмъ не менѣе они ясно говорятъ о совѣтахъ, съ какими обращались наши князья Владиміръ и Ярославъ къ кievскимъ митрополитамъ въ своихъ заботахъ о своемъ земляномъ строѣ. По смерти Ярослава, когда настала вѣкъ усобиць, митрополиты кievскіе постоянно вращаются, по лѣтописямъ, въ роли миротворцевъ и посредниковъ между князьями, уговариваютъ отъ взаимныхъ распрей, примиряютъ ихъ, указывая на этотъ долгъ свой, какъ на свое призваніе. Въ тоже время и въ мирныхъ отношеніяхъ между княжескихъ, или въ отношеніяхъ къ иностранцамъ духовныя лица сплошь и рядомъ становятся въ значеніи пословъ и третейскихъ судей (15—80).

Въ тѣхъ же чертахъ въ сущности высказалось участіе іерархіи и въ Московскій періодъ Руси. Характеръ и направленіе политической дѣятельности ея остались тѣ же, нѣсколько измѣнилась только обстановка и отчасти—основныя задачи. Въ Москвѣ духовенство яснѣе и отчетливѣе сознало политическій идеаль, обѣщавшій Россіи лучшее будущее: вмѣстѣ съ тѣмъ оно опредѣленнѣе и настойчивѣе проводило его въ государственную жизнь. Политическая программа пастырей должна была реализовать предчувствіе перваго Московскаго митрополита Петра, высказанное имъ Іоанну Калитѣ: „и прославишися съ родомъ своимъ паче иныхъ князей и градъ твой славенъ будетъ предъ всѣми городами русскими и святители поживутъ въ немъ; руки его вздуть на плещи враговъ“. Большой подборъ примѣровъ такой дѣятельности изъ жизни московскихъ митрополитовъ Θεогноста, Алексія, Кипріяна, Іоны, Макарія и друг. представляетъ авторъ на стр. 81—165.

Въ періодъ патріаршества въ лицѣ патріарховъ церковная іерархія достигла наивысшей степени своего политическаго вліянія. Въ Думѣ царя патріархъ нерѣдко стоялъ рядомъ съ царемъ и во всякомъ случаѣ занималъ мѣсто главнаго совѣтника, а патріархи Филаретъ и Никонъ и прямо трактовались какъ лица равныя царю. Съ большою подробностію авторъ говоритъ о значеніи патріарховъ въ смутное время, равно какъ о печаловничествѣ позднѣйшихъ патріарховъ.

На стр. 274—298 авторъ даетъ небольшую характеристику „Вѣча“, какъ правительственнаго учрежденія древнѣйшаго

періода Руси. Авторъ утверждаетъ, что въ собраніяхъ вѣча необходимо присутствовало и духовенство, хотя доказать это можно только относительно Новгорода и Пскова. Предметами дѣятельности вѣча были: избраніе князя, вопросы войны и мира и законодательство.

То, чѣмъ въ древней южной и сѣверо-западной Руси были вѣча, въ Руси Московской въ XVI и XVII ст. были *земскіе соборы*. Первый изъ нихъ былъ созванъ Царемъ Иваномъ Грознымъ, приблизительно въ 1550 году; второй — въ 1566; затѣмъ два неполныхъ собора были также въ царствованіе Іоанна Грознаго въ 1564 и 1584 г.г., далѣе въ 1591 году по случаю избранія на царство Бориса Годунова, затѣмъ нѣсколько соборовъ во время междоцарствія, въ царствованіе Михаила Феодоровича Романова и Алексѣя Михайловича. Объ каждомъ изъ этихъ соборовъ авторъ даетъ обстоятельное историческое описаніе.

Отмѣтивъ дѣятельное участіе іерархіи на этихъ соборахъ, созывавшихся по весьма важнымъ государственнымъ вопросамъ, авторъ такъ объясняетъ вниманіе къ ея голосу на этихъ соборахъ: „жизнь (древняго) государства, какъ и всего русскаго народа, была проникнута религіозными началами... При этой взаимной близости церкви и государства всякій вопросъ внѣшней и внутренней политики непремѣнно требовалъ участія іерархіи.... Возбуждался ли напр. вопросъ о войнѣ или мирѣ — здѣсь сознанію древне-русскаго чело-вѣка представлялась прежде всего возможность нарушенія крестнаго цѣлованія, разрушенія церкви, поруганія и обиды православной вѣры.... Всѣ доклады на соборахъ, создаваемыхъ для обсужденія вопросовъ войны, главнымъ образомъ и говорятъ объ этихъ обидахъ православію и церкви, объ этихъ неправдахъ и нарушеніяхъ крестнаго цѣлованія врагами Россіи: Шведами, Крымцами, Турками, Поляками и пр. Со стороны послѣднихъ особенно русскіе страшились происковъ католицизма; со времени перваго самозванца призракъ „проклятой“ папешской вѣры и проклятаго папы постоянно пугалъ православное воображеніе русскаго чело-вѣка.“

Все сочиненіе написано очень старательно; авторъ много прочиталъ по данному предмету какъ спеціальныхъ монографій, такъ и изданныхъ первоисточниковъ; рѣчь у него всюду связанная и стройная; языкъ сочиненія правильный и